

Спросив, он сам рассмеялся. Почему он сейчас лежит в больничной палате, почему его отец говорит такие слова — разве он не знает этого лучше всех? Но он не хотел возвращаться на родину. Пока он был за границей, Юй Чжэнъянь, хоть и обладал огромной властью, не мог действовать так свободно на чужой земле, не мог протянуть свою руку слишком далеко. Однако, если он вернется на родину, окажется под пристальным взглядом Юй Чжэнъяня, он станет пленцом с подрезанными крыльями, саженцем, который будет формироваться по чужой воле. Его руки слегка дрожали, и через некоторое время он поднял голову, в его голосе появилась нотка слабости, глаза блестели, вызывая жалость. Казалось, он то просил пощады, то капризничал. Он сказал:

— Той ночью меня заставили, меня принудили ввести стимулятор, это было не по моей воле. Дядя Гу, помогите мне, уговорите отца, я не хочу возвращаться.

Дядя Гу — так называли дворецкого. Юй Минлан называл его так только в детстве. Сейчас этот человек, который наблюдал за ним с младенчества, от мягкого малыша до стройного юноши, полулежал на одеяле, ресницы трепетали, глаза, казалось, вот-вот наполнятся слезами. По логике, он должен был бы растрогаться. Действительно, он колебался, но в глубине души помнил, в чьем доме он находится и кому служит. Поэтому он покачал головой, его голос звучал с оттенком строгости:

— Простите, молодой господин, я не могу вам помочь. Господин делает это для вашего же блага.

Юй Минлан сохранял прежнюю позу, его выражение лица не изменилось, но руки под одеялом крепко сжались в кулаки, на них выступили вены, что говорило о его нынешнем состоянии.

Дворецкому стало жалко, и он добавил:

— Господин знает, что вас принудили.

В глазах Юй Минлана мелькнуло удивление, рука, державшая край одеяла, слегка ослабла. Дворецкий продолжил:

— После того как господин уехал, доктор Смит рассказал ему все о вашем состоянии: состояние здоровья, что нужно делать в дальнейшем, и... откуда был введен стимулятор, как выглядит рана.

Его голос звучал формально, как будто машина докладывала о состоянии пациента:

— Стимулятор был введен в шею, быстро попал в сердце, и во время введения вы сопротивлялись, поэтому рана была разорвана иглой, имела неровные края. На вашей талии также есть не очень заметный отпечаток пальца, оставленный принудительным нажатием. Если я не ошибаюсь, кто-то тогда вас держал и насильно вводил препарат. Господин знает все это, поэтому он и хочет отправить вас обратно на родину. Он не может постоянно следить за вами, такие опасные вещи нельзя допускать вновь. Господин беспокоится о вашей безопасности. На родине, под его присмотром, для вас, молодой господин, это, возможно, самое безопасное место.

Юй Минлан почувствовал, что его сердце сжалось, лицо приобрело болезненную бледность. Оказывается, его отец знал обо всем. Дворецкий, заметив его состояние, поспешил подойти, но тот отмахнулся рукой:

— Я уже не ребенок.

Дворецкий посмотрел на этого юношу, которому через месяц исполнится восемнадцать, он станет взрослым. Но он все же сказал:

— Молодой господин, вы вернулись с грани смерти. Господин больше никого не имеет, он не может допустить, чтобы с вами что-то случилось. Он тоже несчастный человек, потерявший жену в расцвете сил, он не может потерять сына в среднем возрасте!

Какое прекрасное «потерял жену в расцвете сил, не может потерять сына в среднем возрасте». Как хорошо сказано, как трогательно, на публике. Если бы это услышал кто-то со стороны, наверняка сказал бы: «Господин действительно несчастный человек.»

Но он не со стороны, он сын этого несчастного господина Юя. Он хорошо знает своего отца.

Дворецкий смотрел на юношу, лежащего на одеяле, свет лампы падал на его челку, маленькая тень закрывала его глаза. Он оставался в этой позе некоторое время, затем его тело слегка затряслось. Он медленно поднял голову, глаза были полны холодного блеска, чего дворецкий никогда не видел в нем раньше. Хотя он был старше молодого господина на сорок с лишним лет, он почувствовал, как сердце его дрогнуло, по спине пробежал холодок. Этот взгляд был так знаком, в его сознании он слился с тем человеком, которому он служил. Действительно, это отец и сын. Дворецкий вздохнул в душе, этот ребенок унаследовал прекрасные черты своей матери, но обладал духом, схожим с отцом. После удивления он почувствовал облегчение, радуясь, что у этого ребенка есть отцовский дух, а не материнская нерешительность.

В тот момент он, казалось, немного понял замысел господина: оставить этого ребенка в одиночестве вдали от родины в юном возрасте, чтобы он быстро вырос и стал независимым. Хотя произошел небольшой инцидент, но цель, похоже, была достигнута. Он увидел, как маленький волчонок показал свои когти, и в тот момент дворецкий даже хотел засмеяться.

— Сын? — Юй Минлан засмеялся с сарказмом, его губы дрожали, в поднятых глазах читалась доля негодования. — Разве я его единственный сын? У него столько любовниц на стороне, неужели я единственный?

Его глаза вдруг расширились, черные зрачки, словно драгоценные камни, излучали легкое безумие. Он говорил горячо, глядя прямо на дворецкого:

— Если он захочет, у него будет много сыновей.

Дворецкий смотрел на него с жалостью, затем медленно покачал головой.

Но тут Юй Минлан вдруг с силой схватился за край одеяла, наклонился вперед, как готовящийся к прыжку леопард. Он потерял самообладание и закричал:

— У него могут быть! У него точно есть, даже если не я, есть другие дети. Я не могу быть единственным.

Какое «не может потерять сына в среднем возрасте»! У него есть другие сыновья, не только я! Неужели все сыновья Юй Чжэнъяня умерли, и остался только я?

Когда Юй Минлан был еще маленьким, он однажды проходил мимо кабинета и услышал, как его отец разговаривал по телефону. Ухо Юй Чжэнъяня, видимо, случайно нажало на громкую связь, и звонкий детский голос произнес: «Папа». Тогда Юй Минлану было одиннадцать лет, он стоял в дверях, держа в руках сок, который принес снизу, и смотрел на высокую фигуру мужчины. Юй Чжэнъянь стоял к нему спиной, опираясь на стол, он не видел его лица, но чувствовал, как тот отвечал с радостью.

Тогда он впервые узнал, что у его отца есть другие дети, не только он. Но он никогда не видел этих детей, даже слухов о них не слышал.

Наверное, раньше он ничего не знал, был слишком защищен. В других семьях подобного уровня было нормально, что у хозяина есть несколько незаконнорожденных детей. Даже Лиам как-то упомянул, что у его отца есть маленький бастард, всего на два года младше его. Мальчик говорил об этом без всякого смущения, даже как будто шутил. Но в тот момент в сердце Юй Минлана появилось что-то, названное предательством. В юном возрасте это укоренилось в его душе, и, возможно, с тех пор между ним и Юй Чжэнъянем появилась трещина, детское упрямство.

Той ночью он тайком пробрался в кабинет Юй Чжэнъяня, когда весь дом погрузился в сон, и украл словарь, в котором лежала фотография его матери. Он считал, что Юй Чжэнъянь не заслуживает владения этим. Словарь был реликвией его матери, на фотографии она была запечатлена при жизни.

Позже Юй Чжэнъянь обнаружил пропажу, но отреагировал слишком спокойно, даже не рассердился, просто сказал дворецкому уволить служанку, которая убирала его комнату в тот день. Он совсем не расстроился из-за потери реликвии жены, просто быстро принял решение.

Юй Минлан шел через разочарование, наконец дождавшись, когда Юй Чжэнъянь отправит его прочь. Он думал, что останется там до двадцати с лишним лет, когда его крылья окрепнут, но его забрали обратно в этом возрасте. Как он мог смириться с этим!